

ДВОЙНОЙ ДЕТЕКТИВ ВЫСШЕГО КАЧЕСТВА

ТАТЬЯНА
ГАРМАШ

РОФФЕ

Тайна моего отражения

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Г 20

Оформление серии *И. Успенского*

Гармаш-Роффе, Татьяна Владимировна.

Г 20 Тайна моего отражения ; Шалости нечистой
силы : романы / Татьяна Гармаш-Роффе. — Мо-
сква : Эксмо, 2014. — 736 с. — (Двойной детектив
высшего качества).

ISBN 978-5-04-224627-2

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Гармаш-Роффе Т. В., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-04-224627-2

*Автор благодарит за консультации
комиссара-дивизионера
парижской полиции
Виктора Вагнера*

*90-м годам нашей Истории
посвящается*

Я.

Я я я я я я я я я я я я я я я я...

Не думайте, я не сошла с ума. Просто к своему
Я привыкаю.

Я родилась, Я влюбилась, Я умерла...

Я пишу роман.

Хоть это и очень странно. Вот уж не думала записаться в писатели.

Это Вячеслав Сергеевич из ФСБ (вы о нем еще ничего не знаете) настоял: «У вас сюжетик в руках — чистое золото! Пишите роман, девушка, я вас порекомендую в издательствах, у меня есть связи...»

Ну и порекомендовал.

А в издательстве порекомендовали писать роман от первого лица. От моего, то есть личного лица. Весьма хорошенького, между прочим.

Я долго не понимала: это как же? *Я, я, я* — так, что ли? Но ведь одно дело написать: «Жила-была девочка, белобрысая и худая, и звали ее Олей». И совсем другое дело: «Жила-была *я*, белобрысая и худая, и зовут меня Оля». Ерунда, согласитесь, получается...

А мысли?! В романе же они нужны? Но у меня такие мысли бывают, что мне самой плохо делается от их глупости!

Да и как описывать события, которые без тебя происходили? Его, этого «я», там не было, как же оно может описывать то, чего не видело?

Но — умные люди объяснили, убедили, все сомнения развеяли.

Ну я и написала...

Часть I

МОСКВА — ПАРИЖ

Глава 1

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ. *(Почти как у Толстого, но очень коротко)*

Жила-была я, белобрысая и худая, и звали меня Олей.

Впрочем, меня и сейчас зовут Олей, и я до сих пор жива, хоть это странно, после всего того, что со мною приключилось. За это время я несколько раз чуть концы не отдала.

Нет, неправильно, в романах пишут так: чуть не лишилась жизни.

Итак, я худая и высокая. В детстве я жутко комплексовала перед женскими портретами в Третьяковке, глядя на тонкие, нежно светящиеся лица и округлые покатые плечи, выступающие из великолепных кружев... Потому что у меня торчат косточки в плечах, а локти и коленки такие острые, что об них можно уколоться. Моя мама, полненькая хлопотунья (в кого это я уродилась такая шкетка!), с сожалением в голосе говорила: «Худышка ты моя, личико-то у тебя еще ничего, а вот тельце — как у муравья!» Бабушка моя, еще более кругленькая хохлушка, к которой я ездила в деревню под Полтавой, каждое лето горестно качала головой и называла меня «худорба», стараясь за короткое время каникул впихнуть в меня побольше сметаны и вареников. Папа мой не говорил ничего: они развелись с мамой еще в пору моего нежного детства, и поскольку он был человеком сильно пьющим, то не интересовался ничем, кроме водки.

Но мне повезло: подросла мода на худых, и ближе к концу школы я стала самой модной девочкой не только в классе, но и в школе.

Конечно, не только потому, что я была худая. Я была еще высокая. И льняные — некрашенные, заметьте! — волосы спадали по моим худым плечам пышной гривой. Да и глаза у меня ничего... Голубые. Ресницы-то белые, брови тоже, и до старших классов я была бесцветная, как моль. Но потом освоила технику макияжа и...

Свежевылупившаяся грудь уже круглилась под моей белой кружевной кофточкой, которую я нахально выдавала за «пионерскую». А короткая юбка открывала почти всю длину моих стройных и слегка голубых ног — кожа у меня белая и тонкая, и вены через нее просвечивают, как через капрон. Но летом под загаром не заметно, а зимой под чулками не видно. Кажется, это был последний год пионерских форм и пионерии вообще.

Что же касается моего характера, то он, как говорится, закалился в боях. А бои были, мои личные бои, да какие! А все дело в том, что мама сумела меня пристроить в английскую спецшколу. Уж не знаю, в чьи задницы маме пришлось делать уколы (она у меня медсестра), чтобы меня в эту школу взяли... Но взяли. И я оказалась в революционной ситуации: я была пролетаркой, бледной и худой, одна против буржуазии. Тогда их так не называли, но это была буржуазия: детки завмаг и завсклад, как говорил Аркадий Райкин (вернее, как за ним повторяла моя мама, самого актера я помню довольно смутно). Они переняли у своих родителей высокомерные замашки и фальшивые вежливые лица, они знали, как жить и как себя держать, какой надо вилкой-ложкой-ножкой; они судили, по-старушечьи поджав губы: это вульгарно, это неприлично, и косились трусливыми глазами на меня.

Трусливыми, потому что знали, что я могу и треснуть. Я была проста, как Ленин, который был прост, как правда.

Но постепенно я научилась не обращать на них внимания, я научилась внутренне защищаться, научилась не изменять себе и не терять достоинства в любых ситуациях. Уж как это было трудно, всему этому научиться, — рассказывать не стану, а то я так до своей истории

6 «чистого золота» не дойду. Скажу вам только, что мне это удалось, потому что, как в мультяшке, «птица Говорун отличается умом и сообразительностью», где под птицей Говорун я подразумеваю себя лично.

Одним словом, маленький гадкий и очень закомплексованный утенок превратился потихоньку в лебедя.

Со мной стали не просто считаться — передо мной стали заискивать те самые девицы, которые раньше обливала меня презрением за мои худые коленки, белые ресницы, бедные одежки и неумение (и нежелание) подлизываться и интриговать. Меня вдруг начали осыпать комплиментами — и какая-де я красивая, и какая-де прямая, и положиться на меня можно, и дружить со мной очень хочется...

Да только поздно. Теперь мне не хочется.

С парнями я тоже не дружила — сами понимаете, какая дружба может быть, если ты являешься предметом восхищения и влюбленности почти всех пацанов от младших до старших классов! И, признаться, без малейшей взаимности с моей стороны.

Мужчины вообще ко мне липли. В школе, во дворе, на улице, в транспорте. Передо мной тормозили машины, распахивались двери, и оттуда высовывались самодовольные морды «новых русских» — так их прозвали уж не знаю отчего. Кто каким был, тот таким и остался, ничего нового. Только деньги в карманах завелись — вся и разница. Я, глядя на них, клялась, что никогда ничего общего со мной эти мужики иметь не будут!

И напрасно.

То есть не совсем, но... Впрочем, сейчас вы все поймете, потому что я вам все расскажу.

Дело было зимой. Я тогда училась в последнем классе, в одиннадцатом. Народ собирался на тусовку на старый Новый год, 1991 год, у одного из наших парней — сына богатеньких родителей. Родителей, разумеется, дома не было: они сами ушли куда-то праздновать, а нам свою квартиру предоставили.

Все было чудесно, мы ели, пили, танцевали, сме-

ялись и целовались с парнями. Мне ужасно нравилось, что за мной ухаживают, что в меня влюблены, но мне никто из них не был интересен. Я не торопилась расставаться ни со своей невинностью, ни со своей свободой, а для утешения моего девического самолюбия у меня и так было все, что нужно. Единственно, чего у меня не было, — это хорошей шубы — я донашивала еще с восьмого класса старую цигейковую шубенку, маловатую и потертую, — и карманных денег. А красивые шмотки, представьте себе, были — мне мама шила, да как! Фирменно.

Из-за денег и из-за шубы я комплексовала немного, но совсем чуть-чуть, самую малость.

В тот вечер я напилась. Нечаянно. Не заметила, как это получилось. Пила что-то сладкое, вроде лимонада, и вдруг у меня стала кружиться голова и меня начало пренеприятнейшим образом подташнивать. В темной комнате мотались вспышки цветомузыки, я почти висела на шее у Вадика, хозяина квартиры, танцуя с ним медленный танец, и он все больше прижимался ко мне, целуя меня куда-то за ухо, и я не сопротивлялась этому, потому что была самым искренним образом озабочена. Только моя озабоченность не имела ничего общего с сексуальной: чувствуя, что мне становится все хуже и хуже, я боялась сделать лишнее движение и пыталась сообразить, что можно предпринять в подобной ситуации. И потому я не сразу поняла, что в комнате произошло какое-то замешательство. Потом до меня дошло, что все как-то притихли и музыку приглушили.

Я оглянулась. В дверях комнаты, в проеме ярко-го с непривычки света, падавшего из прихожей, стоял мужчина лет под тридцать в дубленке нараспашку. И смотрел прямо на нас, на Вадика и на меня.

— Дядя, — оторвав свою щеку от меня, сказал Вадик пьяно, — что ты здесь делаешь?

«Дядя» гаркнул весело: «Здравствуйте, детишки», и направился к нам, протянул мне руку:

— Игорь. Дядя Вадика.

— Ольга, — сказала я кокетливо и вдруг поняла, что,

8 хотя я уже не танцую, а стою на месте, комната продолжает кружиться у меня перед глазами. И еще я поняла, что меня уже не подташнивает, а тошнит. — Пора расходиться, — сказала я сдавленно. — До свидания, мальчики, до свидания, девочки, до свидания, дядя!

И я кинулась почти бегом к дверям квартиры: не хватало еще только, чтобы меня вытошнило прямо на глазах у этого дяди!

Я ринулась вниз по лестнице, из подъезда, в снег. За моей спиной неслись крики Вадима: «Постой! Ничего не кончилось! Ты не поняла! Дядя просто так зашел!» Это он, к счастью, ничего не понял, Вадим. Я содрогалась от рвоты.

Когда болезненные рывки внутри меня прекратились, я замела ногой снег на отвратительное пятно — хорошо, что Вадиковы соседushки уже спят и никто, похоже, меня не видит! — и тут в поле моего зрения, на фоне белого снега, появилась рука в рыжем дубленочном рукаве и протянула мне чистый платок.

Я повернулась. «Дядя Игорь!» стоял у меня за спиной, без улыбки и без заигрывания, но и не хмуро смотрел на меня.

— Все в порядке? — спросил он меня спокойно.

Я кивнула.

— Тебе надо что-нибудь выпить, чтобы убрать неприятный вкус во рту, — сказал он. — Садись. — И он открыл дверцу машины, которая стояла тут же, у подъезда.

Меня бил озноб. Я хотела спросить, куда он собирается меня везти, но у меня не было сил. Он был не посторонний человек, все-таки дядя Вадима, и я доверилась его опеке. Не домой же мне было, в самом деле, идти на глаза к маме. Она потом полночи будет валокордин пить.

А приехали мы в ресторан. В такой ресторан, который я только в кино видела. Я даже не знала, что в Москве такие существуют — уже.

Сначала подлетел гардеробщик и снял с меня мою

старую позорную шубу — будто дорогой подарок развернул, бережно и осторожно. Потом подошел другой человек в галстук-бабочке, сказал: «Добро пожаловать», и повел нас наверх по лестнице, устланной ковром. Сверху доносились музыка и вкусные запахи.

Зал был полон цветов в вазах. Играл оркестр. На площадке перед ним топтался разодетый танцующий народ.

Человек в галстук-бабочке провел нас за столик, и его сменил усердный официант. Только теперь до меня дошло, что Игоря здесь знают: здороваются с почтением, которое не афишируется, но чувствуется. Он заказал себе какую-то еду, а мне... чаю с лимоном. Но мне ничего другого и не хотелось в тот момент, с этим он угадал.

Я выпила два стакана, приходя в себя и рассеянно глядя на танцующих. Игорь изредка говорил что-то ненавязчивое. Он объяснил, что зашел к Вадиму просто так, потому что был рядом, через два дома, у каких-то знакомых, и решил заглянуть к старшему брату, коим ему приходится отец Вадима. Еще он сказал, что пить вредно, вернее, пить вообще-то не вредно, но вот *напиваться* точно вредно. Потом стал объяснять, в какой момент нужно остановиться, чтобы не получилось слишком поздно. Затем спрашивал про школу, про то, что я собираюсь после школы делать (Что? Я сама не знала...), говорил про иностранные языки, про новое поколение, про рыночную экономику.. Я смотрела на него и думала о том, что он относится к тому редкому типу блондинов, у которых волосы вьются мелко, как у негра, отчего его русый и курчавый ежик стойко торчал без всяких лаков, придавая лицу Игоря голливудский шик. Серые глаза смотрели мягко, улыбка лучилась обаянием и от ямочки на подбородке веяло добродушием... Симпатичный мужик, одним словом.

Я засыпала. Тепло от горячего чая разлилось по телу, озноб исчез, боль от спазмов уже прошла, нервничать я тоже перестала, ну глаза и стали закрываться.

Игорь отвез меня домой и попрощался перед моим

10 подъездом. Он ни на что не намекал, не просил свиданий, ни номера телефона, наоборот — он меня поблагодарил за вечер, как будто я его осчастливила тем, что меня стошнило на его глазах... Чудной!

А потом...

Примерно через неделю он появился у меня на пути от школы к дому. Он топтался на снегу, поджидая меня, и я узнала его издали, его дубленку, его русский ежик и его машину, припаркованную рядом. Это были белые «Жигули», вероятно, последней модели, я в них не разбираюсь.

Он мне улыбнулся и шагнул навстречу.

— Как ты? — спросил он.

— Хорошо, спасибо.

Девочка-прилежница — это я. Глазки опустила и слегка покраснела.

— Чувствуешь себя нормально?

«Тоже мне Красный Крест, — думаю. — Примчался узнать о моем здоровье!»

— Нормально.

И иду себе, не сбавляя шага. Он за мной.

— Я, — говорит, — не хочу, чтобы ты обо мне плохо думала...

— С чего это мне... — вскинула я глаза.

— погоди, не перебивай! Я принес тебе маленький подарок, он ждет тебя дома. Я твоей маме отдал.

— Подарок? Маме? И что она сказала?!

— Не волнуйся, я представился как посыльный.

Я с сомнением окинула его взглядом. Посыльный. В дубленке, без шапки (из машины-то можно себе позволить пройти десять метров по морозу!), с запахом дорогого одеколона и с холеной бритой мордой, красивый молодой мужик... Бедная моя мама! Сколько валокордина она уже проглотила?

— Посыльный — от кого?

— Я сказал — не знаю. Сказал — велено доставить по вашему адресу для Ольги Самариной.

— Глупость сделали. Моя мама к таким вещам не привыкла, ее инфаркт может хватить. И, собственно, с какой это стати мне подарки? От вас?

— Видишь ли, Оля... — Он слегка сконфузился. —